

27 января исполнилось 225 лет со дня рождения Вольфганга Амадея Моцарта. Мы называем его одним из первых среди тех в общем-то немногочисленных людей, кто стал для нас благодаря своему таланту и труду бессмертным. Чайковский писал о нем: «Моцарт есть высшая, нульминационная точка, до которой красота достигла в сфере музыки...».

Известность пришла к Моцарту еще в детстве: с семи лет он разрезал с концертами по Европе. Подвижной труд был уделом Моцарта всю его жизнь. И всю жизнь была его уделом нищета. Даже похоронили его в общей могиле с другими бедняками...

Сегодня «Литературная Россия» предлагает вниманию читателей главу из романа В. Торниуса «Вольфганг Амадей», выдержавшего в ГДР уже около двадцати изданий.

...Вопреки самым мрачным предчувствиям, маэстро ощущает приток новых творческих сил. Да, похоже на то, что почетное для него предложение из Лондона и ободряющие слова Гайдна пробудили их в нем. И, наконец, после нескольких месяцев зстоя наступление нового года ознаменовалось яркой вспышкой его таланта, он работает с такой же яростью, как в свои лучшие годы. Создает изумительный, местами проникнутый грустными мотивами фортепианный концерт в Д-Дур, возникают вариации для фортепиано, песни, танцы. А тем временем в венском театральном мире происходят перемены, которые ему по душе. Директор театра граф Розенберг, от которого он за все годы не видел и капли добра, увольняется в отставку. А его любимчик Сальери, опасаясь, что теперь под ударом окажется и он сам, предпочитает добровольно подать в отставку, но выдвигает на свое место Йозефа Вайгля, второго капельмейстера театра и своего ученика. По словам да Понте, император высказался в том смысле, что Сальери — невыносимый эгоист, озбоченный только собственным успехом, но отнюдь не делами театра. Увы, приходится уйти в тень и самому да Понте, о чем Моцарт глубоко сожалеет. Он, человек неосторожный и беспресловово преданный своей любовнице, примадонне оперы Феррарези, желая услужить ей, умудрился отправить приглашенным в труппу итальянским певцам анонимные письма, в которых изобразил театральную жизнь Вены в таком свете, что они предпочли разорвать контракты. Об этой интриге доложили императору, и тот в гневе бросил:

— Прогнать этого возмутителя мира и покоя ко всем чертям!

Правда, все эти перемены ничего в судьбе Моцарта не меняют. Большого заказа он не получает, продолжая существовать на свое «почетное жалованье» да на случайные заработки, более того — ему приходится даже обращаться к ростовщикам, чтобы хоть как-то продержаться на поверхности. Случаются дни, когда он испытывает недостаток в самом необходимом. Однажды Йозеф Дайнер, управляющий пивного заведения «У серебряной змеи», где супруги Моцарты иногда обедают в долг, взглянув к ним в один из холодных зимних дней, застал их танцующими. Он остановился, донельзя удивленный.

— Слышанное ли дело! — воскликнул он. — Никак, господин придворный капельмейстер вздумали давать уроки танцев?

— Вот уж нет, — отвечивал Моцарт. — Просто мы греемся: печка то наша давно остыла, а на дрова денег нет.

Добрый старик сжалился над мерзнувшими и принес им большую вязанку из собственных запасов.

— У вас, Дайнер, истинно христианская душа. Вот получу я деньги, с лихвой заплачу...

— Ничего, оно не к спеху. Если потребуются еще дровишки, я вам с радостью услужу.

Однажды мартовским утром к Моцарту, лежащему еще в постели, неожиданно является с визитом Эмануэль Шиканедер, директор театра «Ауф дер Виден». Это высокий, представительный господин, всегда одетый по последней моде и с самыми изысканными манерами. Но его внешнему виду ни за что не определишь, что родом он из крайне бедной семьи, что за спиной у него полная приключений и злоключений жизнь бродячего комедианта и что ему ведомы любые превратности судьбы. Моцарт уже давно знаком со своим гостем, ибо еще шесть лет назад Шиканедер подвизался в роли директора «Кертнер-театра». После многочисленных поездок по всей стране со своей труппой, ставшей наряду с современными немецкими пьесами и народные комедии, что принесло ему немало денег, он два года назад вернулся в Вену, помирился со своей бывшей женой, державшей антрепризу в театре «Ауф дер Виден», и взяла на себя его руководство. Поскольку он умеет в точности угадать и угодить вкусу венцев, любящих народный юмор, сборы в его театре всегда битковые. Моцарт знает Шиканедера еще и по масонской ложе, а так как директор

театра любит красиво пожить и с удовольствием платит за общее застолье, оба они не раз выказывали свое почтение богу Бахусу и в приподнятом настроении пивали на брудершафт.

— Не удивляйся моему раннему визиту, дорогой брат, — обращается Шиканедер к представшему перед ним в плафроче Моцарту. — Меня вело к тебе пресерьезнейшее дело. Мой товар больше не в цене. Если ты мне не поможешь, я через месяц-другой буду при последнем издыхании.

— Чем же я могу помочь тебе, когда я беден, как церковная мышь?

— Ты разбогагеешь, как индийский набоб, если поможешь мне.

— Хотелось бы знать, как?

— Напиши для меня оперу — оперу, которая пока не снилась ни одному театру. Либретто уже почти готово.

— Кто его написал? Ты?

Шиканедер проахлялся:

— Ну, скажем так: частично. Во всяком случае, источник нашел я, и драматическая версия, естественно, тоже моя. Да, а стихи написал Гизеке,

венную Царицу ночи, мавр Моностасос, воплощение отталкивающей похоти, несет в себе отныне и черты, донельзя комичные, а по-детски влюбленная парочка Папагено — Папагена привносит в оперу элемент народности.

Но тут происходит нечто неожиданное, повергающее композитора и его соавторов в глубокое уныние: 8 июня Маринелли дает в своем театре премьеру зингшпиль «Каспар-фаготист, или Волшебная цитра», написанного неким Венцелем Мюллером. Успех у зингшпиля огромный, билеты распроданы на много дней вперед. Выясняется, что либреттист Перине воспользовался тем же источником, что и Шиканедер, — изданным Виландом сборником волшебных сказок «Джиннистан», развив свой сюжет исключительно в развлекательном направлении. Единственную возможность для спасения Моцарт видит в том, чтобы придать опере более серьезный характер. При этом опера получит ощутимый древнеегипетский колорит и совершенно пре-

шампанским, и на несколько часов силы вновь возвращаются к заметно слабеему Моцарту. Сомнения нет, в уголках его глаз притаилась злоеющая усталость, которая только и ждет часа, когда сможет обрушиться на него всей своей тяжестью. Он сам не признается себе в этом, но, взглянув в зеркало, невольно пугается при виде своего пожелтевшего лица.

Примерно за две недели до родов Констанца возвращается в Вену. Вместе с ней как будто вернулся и уют в дом. Моцарт может перевести дух. Ему чудится, что само присутствие Штанцерль — сильнодействующее лекарство, которое снимет с него этот немощный груз безотчетной тоски и тревоги.

Несколько дней спустя в коридоре забренчал колокольчик. Констанца идет к двери, открывает и видит перед собой пожилого худощавого мужчину весьма почтенного вида, который вежливо просит позволить ему побеседовать с господином придворным камермузыкантом. Моцарт принимает его.

— Извините, что побеспокоил вас, Я здесь по поручению весьма значительного лица. У меня к вам дело.

— Позвольте узнать, кто вас послал?

— Мой поручитель желает остаться инкогнито.

— О чем идет речь? — сдержанно интересуется Моцарт.

— Речь идет о реквиеме, который моему господину угодно заказать вам. Он намерен особым образом отметить годовщину смерти своей покойной супруги, и реквием придаст этому особое звучание. Возьметесь ли вы?

— Охотно, — ответил Моцарт после недолгих колебаний.

— Для ясности скажу еще: мой господин — большой ценитель музыки, но он оставляет за вами полную свободу музыкального решения. Когда, вы полагаете, вещь будет готова?

— Точного срока назвать вам не могу. По возможности — скоро.

— Хорошо. Я позволю себе время от времени осведомляться о ходе работы. Да, и вот еще что. На какой тонорар вы рассчитываете?

— Пятьдесят дукатов, — отвечает Моцарт, подумав.

— Вот они, — говорит неизвестный и отсчитывает монеты. — По завершении вещи мой поручитель непременно заплатит вам точно такую же сумму. А теперь разрешите мне откланяться.

Незнакомец удалился, а Моцарт сидит, словно окаменев. Констанца, подслушавшая у двери, сразу входит в комнату:

— Эге, муженек, нам, кажется, повезло.

— Повезло? — тихо произносит Моцарт и смотрит на нее с грустью.

— А ты разве не рад? Столько денег за ненаписанное произведение: пока никому не платили.

Он растерян:

— Ты права, Штанцерль. Мне даже предстоит получить больше... Конечно, конечно, я рад, очень даже рад... не будь это реквием...

ТОРНИУС

Заказ танцевального незнакомца разрывает душу Моцарта: он то бе- конечно рад и готов обнять весь мир, то подавлен, едва ли не в отчаянии. В таком вот состоянии глухой тоски он подходит к колыбели своего младшего ребенка и думает: «Неужели мне и тебя суждено потерять, как я потерял уже четырех детей, или судьба сохранит мне тебя, чтобы сын завершил то, что не дано было завершить отцу?» Глубокий вздох вырывается из его груди. Одно ясно: темных, тяжелых часов в его жизни сейчас куда больше, нежели светлых, приносящих счастье. Может быть, причиной тому — явный упадок сил? Это заметно и по тому, как он творит. Работа над оперой постепенно отступает на второй план перед новым заказом, за который он уже принял. Только первые партии Зарастро, где выражена его мудрость, проникновенные в глубины всего сущего, явно продвигаются вперед наряду с медленно возникающим зданием «Реквиема», но, кроме них, — ничего.

А в середине августа снова неожиданное известие, на сей раз из Праги: по поручению властей Богемии Гуардонио передает Моцарту заказ на

тот самый Гизеке, что сделал либретто для оперы Вранйцки «Оберон, король эльфов».

— Да, припоминаю, я видел ее во Франкфурте.

— И какова она?..

— Ну, вполне приличная. Нечто новое, во всяком случае. Мне давно уже представляется что-то в этом роде.

— Выходит, ты только меня и дожидался!

— Как называется твоя опера?

— Название у нее замечательное, — говорит Шиканедер с таинственным видом. — Такое название обеспечит нам две трети успеха. Называется она «Волшебная флейта».

— Неплохое название. А как насчет оплаты?

— Брат, не станем терять лишних слов! Ты знаешь меня как человека, который и сам любит хорошо пожить, и другим дает. Спроси моих актеров. Они тебе подтвердят. Я заплачу тебе по частям, но в сумме это много... Это для меня дело чести.

— Идет. Напишу для тебя, бог даст, оперу. Если мы потеряем фиаско, я не виноват: до сих пор мне волшебных опер писать не приходилось. Но обещай мне не передавать партитуру другому театру. Она принадлежит мне.

— Обещаю. От всего сердца!..

Когда Моцарт читает «почти готовое» либретто Шиканедера, он видит, что перед ним — незавершенные наброски. Да и сама фабула — обычная история о злом волшебнике, похитившем у доброй феи, помимо ее сокровищ, еще и дочь, и о принце, посланном оскорбленной матерью за сокровищами, исполнившем поручение и получившем в награду за этот подвиг дочь феи в жены, — все эти перипетии не особенно вдохновляют Моцарта. Единственное, что вызывает его одобрение, — это волшебная флейта, которую фея дарит принцу и звук которой открывает перед принцем все сердца. Моцарт порицает все, что ему не по вкусу в существующем тексте, и Шиканедер не был бы опытным маэстром сцены, не признай он справедливости этих суровых замечаний. И оба они с помощью Гизеке принимаются за переделку либретто: красивая фея превращается в божест-

образится мир Зарастро. Бывший злой волшебник Зарастро превратится в жреца, проповедующего духовность и гуманность...

Пока планы зреют и постепенно обретают форму, его жена Констанца — она на сносях — отправляется на отдых в Баден, что стало возможным после того, как Шиканедер вручил Моцарту первую, довольно скромную, надо сказать, субсидию в счет аванса. Время от времени Моцарт навещает супругу: на сей раз разлука дается ему особенно тяжело. Когда ему однажды удалось пробыть у жены несколько дней, он осчастливил своего баденского почитателя Штолля, школьного учителя и хормейстера, исполнив в его присутствии поразительной силы мотет «Аве верум». Случайно при этом был некий монах, в благоговении слушавший исполнение Моцарта и его пение. Выходя из церкви, он спросил пономаря, как имя сочинителя и как зовут органиста. И тут, к своему удивлению, узнал, что это — одно и то же лицо. Моцарт.

— Моцарт! — изумился монах. — О, как оживают во мне воспоминания! Тридцать лет назад я слышал его, шестилетнего мальчика, игравшего на органе в нашем монастыре. Пáter Амброзиус молвил тогда: «Это звучащий сад господен!» Воистину, он прав. Сколь горделива вечерняя умиротворенность, источаемая его музыкой, она уносит все людские невзгоды, любая боль человеческая умолкает.

Зато дома, в Вене, житейские невзгоды набрасываются на Моцарта с новой силой, и шаловливый тон, в котором написаны его письма к своей дорогой Штанцерль, призван лишь затушевать эти обстоятельство. Да, во время своего вынужденного соломенного вдовства он ведет беспорядочную жизнь холостяка, он уволил служанку Лори; ему достаточно тех немногих услуг, которые ему оказывает добродушный старичок Дайнер, питаемый он где и чем придется, а иногда и вовсе не ест, пьет много крепкого кофе, чтобы взбодриться и подстегнуть себя, и работает над оперой. Временами в садовой беседке, что стоит совсем рядом с театром и где он в основном и сочиняет «Волшебную флейту», появляется Шиканедер, всякий раз с «животворным»

оперу, которую предусмотрено исполнить 6 сентября, в день коронации императора Иосифа II королем Богемии. Ему обещан гонорар в двести дукатов, а к письму приложено либретто под названием «Тит». Моцарт испуган. Как ему написать оперу за три недели и вдобавок разучить ее с оркестром? Но заказ почетен, ему впервые предоставляется возможность продемонстрировать по такому случаю императорской чете свое мастерство, и потом — гонорар чересчур соблазнителен. Прочь все сомнения! Он вместе с Констанцей готовится к поездке, а дети останутся на попечение бабушки.

Когда Моцарт с женой как раз садятся в карету, перед ними внезапно предстает посланец таинственного незнакомца:

— Как насчет «Реквиема», господин Моцарт?

Пораженный его появлением, тот отвечает:

— Приказ императора заставляет меня на несколько недель оставить Вену. Но пусть вас «Реквием» не тревожит. Вернувшись, я первым делом примусь за него.

— Благодарю вас за сведения. Извините мое любопытство, — прозвучит незнакомец, кланяется и исчезает.

На сей раз веселья, которое царило во время поездки на премьеру «Дон Жуана», нет и в помине. Моцарт постоянно молчалив и серьезен. Он размышляет о новой опере, либретто которой бегло просмотрел. Еще в пути набрасывает отдельные куски, но никак не может отделаться от впечатления, что где-то рядом стоит незнакомец и заглядывает в написанные им ноты. Его друзья Душеки снова представляют в его распоряжение свою идилическую виллу «Бертранка», где за восемнадцать дней он и создает своего «Тита». Но работа дается ему нелегко, пыльная псевдоримская среда, которую он должен воспеть, внушает ему, пробывшему в «Волшебной флейте» и совершенно новым горизонтам, одно отвращение. Не удивительно, что отдельные партии, например речитативы Секино, он отдает для отделки своему другу Зюсмайеру.

Для репетиций с оркестром остается всего четыре дня. Второго сентября, в день приезда императорской четы, Моцарт стоит за дирижерским пультом в опере — дают его любимое детище — «Дон Жуана». И высокие гости весьма милостиво аплодируют. Иное дело — четыре дня спустя, на премьеру «Тита». Опера не то чтобы с треском провалилась — этому препятствовал сам торжественный повод постановки, — но была принята на редкость холодно. «Уна порчериа tedesca» — «немецкое свиństwo» — такова была уничтожающая оценка императрицы, которую не замедлили передать Моцарту. Он раздавлен, у него нет больше ни малейшего желания оставаться в Праге, несмотря на все просьбы семьи Душек.

— Что вы хотите, — говорит он. — Я потерпел поражение. У меня есть один шанс: перечеркнуть случившееся оглушительной победой, и, возможно, «Волшебная флейта» принесет мне эту победу. А поспею — отпустите меня, и будьте здоровы.

Когда на другой день Моцарт при прощании обнимает Душек и благодарит их за любезное гостеприимство, он теряет самообладание и плачет, как ребенок. У него предчувствие, что прощается с ними навсегда.

Вернувшись в Вену, Моцарт находит письмо от да Понте из Триеста, в котором тот подбивает его оставить неблагодарную столицу империи и отправиться вместе с ним в Лондон. Он напишет для Моцарта новое либретто, и оба они, в этом да Понте убежден, снискают в Англии более пышные лавры, чем в Вене или Праге. Моцарт с неожиданной пылкостью обнимает Констанцу и говорит:

— Знаешь ли, Штанцерль, я думаю, что в будущем году, когда истечет контракт Гайдна, я, возможно, приму предложение англичан. Но сперва дай мне закончить «Волшебную флейту». И «Реквием»! А потом вместе поедем навстречу новому счастью.

— Ах, это было бы так славно, муженек. Но ты должен беречь себя. Поезжай, отдохни. Деньги на это у нас сейчас есть.

— Да, так и сделаем. Но прежде

надо поставить «Волшебную флейту».

Шиканедер ожидал Моцарта с величайшим нетерпением. Он намерен начать репетиции в середине сентября. Однако впереди немало работы, и прежде всего необходимо найти связки для уже готовых номеров. Моцарт с рвением приступает к этому делу, и ему приходится до предела напрягать свои силы, которые грозят вот-вот оставить его. Он не раз и не два теряет сознание от слабости и пытается вернуть присутствие духа и живость мысли, употребляя много кофе и шампанского. Но художавый седой господин, повелительно требующий «Реквием» для неизвестного заказчика, не идет у него из мыслей. В тягостном настроении, словно предчувствуя близкую смерть, он пишет по-итальянски ответ на послание да Понте:

«Я рад бы последовать Вашему совету — но как мне туда попасть? В моей голове хаос. Я сделал все, что было в моих силах. Но образ незнакомца постоянно маячит перед моими глазами. Он просит меня, он вселяется в меня, он требует от меня работы. Поэтому я продолжаю писать ее. Это утомляет меня меньше, нежели отдых. Собственно, мне не перед чем более дрожать. Я ощущаю это настолько отчетливо, что мне не требуется никаких доказательств. Час пробил. Я готов принять смерть. Я перестал радоваться своему мастерству. Какой прекрасной была жизнь! Моя карьера началась с самых светлых видов и надежд. Но своей судьбы никому не дано изменить. Никто сам над собой не властен. Следует с ясностью духа принимать то, что предопределено тебе провидением. Итак, я закончу свою надгробную песнь. Я не смею оставить ее незавершенной».

III

30 сентября состоялась премьера «Волшебной флейты» в театре «Ауф дер Виден». Дирижировал сам автор. В зале сидят не та публика, которую он привык видеть на постановках «Фигаро» или «Дон Жуана» — культурные и образованные венцы. Конечно, друзья его здесь, пришли все близкие знакомые и записные поклонники, но большую часть присутствующих составляют те представители буржуазии, которые приучены к сентиментальной слезливости, общепонятному развитию событий на сцене и готовы аплодировать грубому бурлескному юмору. Для этих людей со скромными художественными запросами милый и вкрадчивый юмор Папагено, тонкие и изящные кантилены Тамнино и Царицы ночи — кстати, очень прилично ее сыграла и спела свои партии золовка Моцарта Йозефа, — пища незнакомая. Поэтому и аплодируют они после первого акта довольно вяло. Моцарт, весь бледный, бросается за кулисы к Шиканедеру, заgrimированному под Папагено, и возбужденно восклицает:

— Все тщетно! Наша опера провалилась!

— Потихе, потихе, дражайший брат мой и компаньон, — отвечает тот. — Погоди-ка. Я моих венцев знаю. Они просто удивлены, что им вместо крепкого вина предложили новомодное шампанское. Ничего, они войдут во вкус этого напитка. — И напевает ему негромко на ухо:

*Горит шампанское
На щеках и в сердцах...*

Моцарт, только что почти в отчаянии, весело смеется шутке неисправимого весельчака-компаньона. А тот подзывает юношу из свиты Зарастро и велит тому налить в бокалы всем стоящим вокруг искрящееся вино, уносящее печали, поднимает свой бокал и обращается к Моцарту:

— Долой все сомнения, о любимец госпожи Музыки! Пью за то, чтобы ты с блеском провел второй акт. На всякий случай, Хеннеберг, ты должен быть готов его заменить, — шепчет он своему капельмейстеру, пока композитор осушает бокал. И потом, обращаясь к другим, продолжает: — Пейте, дорогие дети мои. Зарастро, Тамнино, И ты тоже, распутник Монастасос! Вы хорошо делаете ваше дело. Делайте его во втором акте еще лучше! И ты, гордая Царица ночи, освесьте водой из своего божественного источника и так спой им арию

мести, чтобы у почтеннейшей публики мурашки по коже побежали!

Шиканедер оказывается прав. Во втором акте зрители уже куда восприимчивее, они следят за происходящим на сцене широко раскрытыми глазами, превратясь в слух; даже зрители галерки отдадут себе отчет, что здесь им показывают то, чего они никогда прежде не видели и не слышали. И когда с шелестом опустился занавес, после некоторого, подозрительного поначалу молчания раздались рукоплескания публики, причем это был не безотчетный взрыв эмоций, а продолжительные, сдержанные аплодисменты, вызванные почтительным восторгом и приподнятым настроением. «Моцарт! Моцарт!» — доносилось из партера и лож. Но композитора нигде нет. Наконец его нашли в укромном уголке за сценой, и Зарастро с Папагено силой выводят хрупкого маэстро в голубом фраке на сцену — его встречают овацией.

Вечером следующего дня, когда он снова дирижирует своей оперой, поддержка публики еще сильнее, и она растет от спектакля к спектаклю, когда за пультом становится Хеннеберг, а композитор слушает свое произведение, сидя в партере или в ложе. Любопытно читать трогательные письма, которые он посылает своей Штанцерль, уехавшей вскоре после премьеры с младшим сыном, — в них Моцарт описывает успех оперы. То его радует, что постоянно проданы все билеты и что всякий раз опера вызывает тихую овацию, в этом ему видится доброе предзнаменование; то он сообщает Констанце, что завтра вечером поедет в театр вместе с тещей. «Мама скажет, наверное: я смотрела оперу, а не: я слушала оперу». То он берет с собой семилетнего сына Карла и живописует, какое удовольствие доставил этим мальчику.

Естественно, радость, дарованная ему успехом «Волшебной флейты», весьма способствует улучшению его здоровья. Случаются дни, когда он просто переполнен энергией, и тогда он вновь принимается за свой «Реквием». Но неожиданно болезнь набрасывается на него с новой силой. Констанца, недавно возвратившаяся с вод, подходит однажды утром к его постели, чтобы разбудить, и с ужасом глядит на его мертвенно-белое лицо. Взгляд у Моцарта отсутствующий, на лбу холодный пот. Поднявшись ранним утром, он потерял сознание.

— Думаю, сегодня мне не стоит вставать с постели, — говорит он. — Устал я смертельно. Может быть, меня отравили.

— Но кто, кто мог тебя отравить, муженек мой? — спрашивает она в испуге.

— Откуда мне знать? У меня много врагов: Сальери, Мартини, Венцель, Мюллер... Они не простят мне моего успеха.

Сейчас Констанце кажется, будто он бредит. Она велит позвать доктора Клоссета, тот дает больному успокаивающее, и Моцарт засыпает. Придя в себя после долгого сна, он чувствует себя окрепшим и требует принести партитуру «Реквиема». Констанца возражает: врач предписал полный покой.

— Я должен, должен его закончить... я пишу его для себя самого... и ни для кого другого... Час пробил... У меня совсем мало времени...

Констанца рыдает.

Наступают тяжелые дни. То он по несколько часов лежит совсем без сил, то как будто приходит в себя и тогда непременно требует принести ему ноты «Реквиема». Доктор Клоссет приходит ежедневно, пробует различные лекарства, не установив для себя окончательного диагноза болезни. Не в порядке легкие, почки, почти все внутренности, и только сердце бьется нормально. Констанца не знает, что делать. Иногда после разговора с ним ей кажется, будто он на пути к выздоровлению, а потом, чаще всего по вечерам, его состояние настолько ухудшается, что она ночью в страхе ждет его смерти. Ее сестра Софи в эти тяжелые дни во всем ей помогает и опора. Она трогательно ухаживает за больным, и каждый раз при виде Софи лицо Моцарта светлеет, ибо она, по его словам, «сметает привкус смерти с его языка». Когда доктор Клоссет видит, что состояние здоровья пациента не улучшается, он приглашает на консилиум доктора Саллабу, и оба

они ставят диагноз «переменяющаяся лихорадка», признавая в то же время, что их врачебное искусство не в состоянии помочь ослабевшему организму.

Вот так, в надеждах и тревогах, проходят первые дни декабря, причем ни разу за это время больной сознания не теряет. Ближайшие друзья навещают его, ведут с ним недолгие беседы. Каждая приятная новость, например, что «Волшебная флейта» по-прежнему делает полные сборы, доставляет ему несомненное удовольствие. Однажды вечером он сидит в постели с часами в руках, мысленно следя за ходом оперы, коротко обозначая жестом руки, какая в это время идет сцена. Обращаясь к сидящему рядом второму дирижеру театра, говорит:

— Как бы я желал еще раз послушать «Волшебную флейту»!

Розер идет к инструменту, играет и поет песенку птичелова. Слезы радости увлажняют глаза маэстро.

Такая же радость охватывает его, когда на другой день Констанца читает ему вслух письмо венгерских любителей музыки, которые предлагают ему ежегодное содержание размером в тысячу гульденов, чтобы он мог трудиться, не зная забот. Он выслушивает эту новость с улыбкой, берет руку жены, поглаживает ее, говоря:

— И вот мы станем с тобой, Штанцерль, состоятельными людьми... Ежегодный пансион... Лондон... «Волшебная флейта»...

Он умолкает на полуслове, терзается в забытьи, потом ненадолго засыпает. Вскоре после обеда к Моцарту заглядывают несколько певцов из театра. Большой встречает их дружжелюбной улыбкой:

— Вы пришли как раз кстати. Не согласитесь ли порепетировать «Реквием»?

Он подзывает Зюсмайера, который приносит ему партитуру, во время болезни всегда лежащую недалеко от него, указывает на «Лакримальную диессилла», над которой работал в последнее время. Зюсмайер раздает ноты. Бенедикт Шант, Тамнино, получает партию сопрано, Франц Герль, Зарастро, — баса, а свояк Моцарта Франц Хофер — тенора. Сам композитор берет партию альты. Тихо лютоются по комнате звуки «Лакримальных», тонкая рука маэстро руководит поющими. Но вскоре она повисает, а сам он откидывается без сил на подушки. Пение умолкает, и все, за исключением Зюсмайера, покидают комнату.

Некоторое время Моцарт лежит, безразличный ко всему, устремив неподвижный взгляд в какую-то немислимую даль. То и дело в комнате появляется Констанца, испуганно глядя на него, то на Зюсмайера, сидящего рядом. А страждущий как будто не замечает ни ее, ни друга. Только шевелятся бескровные губы, а слов — нет. Лишь когда появляется Софи и пытается приободрить его, он поворачивается на бок и выдавливает из себя несколько слов:

— Хорошо, что ты здесь. Я думаю, скоро конец.

Потом поворачивается к Зюсмайеру и начинает, тщательно подбирая слова, объяснять суть «Лакримальных». Констанца тем временем посылает за врачом, которого не сразу удается найти. Когда он, наконец, появляется, от лица пациента пышет жаром. Доктор предписывает — немедленно! — холодные компрессы: от них Моцарта начинает бить лихорадка, он впадает в забытие, прерываемое бессвязным бредом. В полночь он еще раз приподнимается, обводит всех стоящих вокруг невидящими глазами и, мертвенно-бледный, падает на подушки. Тихо, без видимой борьбы со смертью, отлетает душа Моцарта к вечному покою...

С немецкого,
Перевод Евгения ФАКТОРОВИЧА

